

«Интеграция» газета, г. Москва
1961, июль

ПО УСТАВУ ДОВЕРИЯ

А. АНАСТАСЬЕВ

ПРИВЫЧНЫЕ сожаления о том, что у нас мало новых пьес о современности, потеряли всякий смысл. Пьес пишется много, даже очень много. Другое дело, что далеко не все оставляют след в памяти, приводят в движение душевные силы зрителей. В этом сейчас беда. А надежда на лучшее — в том, что каждый театральный год приносит несколько драматических сочинений, отмеченных правдой, смелой мыслью и талантом. Самые заметные из них — те, что затрагивают большие и трудные вопросы жизни, несут в себе сильный заряд гражданственности.

К таким пьесам относится, по-моему, драматическая повесть Александра Штейна «Океан». Очевидны ее несовершенства: издавна присущая автору рассудочность, недостаточная ясность жизненной позиции одного из центральных героев — Часовникова. Но всего важнее заметить в пьесе главное. А главное в том, что в характере и судьбе капитана третьего ранга Платонова писатель выразил большие мысли о человечности нашей морали, о сути дружеского долга, наконец, о личной воле и ответственности современника в трудных жизненных обстоятельствах.

Платонов и Часовников — старые друзья, вместе кончили морское училище, вместе служат на эсминце «Взволнованный». Один из них — Платонов — за шесть лет обрел опыт жизни и службы, стал коммунистом в самом высоком значении этого слова и командиром корабля; другой — не чувствует твердой почвы под ногами, мечется, тяготеет не только морской дисциплиной, но дисциплиной жизни, стремится покинуть флот. Платонов пресек это желание друга — вычеркнул его из списка демобилизованных. Часовников — в обиде и гневе — грубо нарушил закон морской службы, уронил честь советского моряка. Как поступить Платонову, вот в чем вопрос. Он чит устав. Но он верит в друга — знает, что грубая ошибка может сломать его жизнь, и не хочет этого. Уверен Платонов и в том, что его друг нужен флоту. И он берет ответственность на себя — скрывает от начальства проступок Часовникова, рискуя всем тем, что ему кровно дорого.

Такова сюжетная и, так сказать, уставная сторона дела. Но очень ошибутся те, кто причислит «Океан» к тематической рубрике «военно-морских» пьес, а случай с Платоновым и Часовниковым ограничит пределами дисциплинарных проблем на флоте. Широкое общественное значение драматической повести Штейна, ее гражданственная сила в том и заключаются, что в действиях героя пьесы художественно выявлена нелегкая, но единственно верная, высокая норма поведения советского человека в трудных условиях.

Платонов, уверенный в друге, взял всю ответственность на себя даже тогда, когда друг действительно тяжко виноват. Для него дальняя правда человеческой ценности Часовникова выше правды сегодняшнего факта. А вспомним другого штейновского героя, Колокольникова из «Персонального дела»: тот воздержался на собрании, где решалась судьба его друга, воздержался потому, что активная позиция (а он уверен в правоте Хлебникова) грозила его спокойному благополучию.

Но разве только в отношениях с друзьями необходимы воля, принципиальность и смелость? Одной из бед нашей жизни является то, что нередко приходится сталкиваться с формальным равнодушием, робостью, с душевной пассивностью людей, когда необходимо настойчиво, горячо, храбро отстаивать свое мнение во имя общего коммунистического дела народа. Отстаивать и тогда, когда это трудно. Формальное равнодушие, за которым легко разглядывается трусость, вопиюще противоречит демократическому духу нашей жизни, утвержденному еще XX съездом партии. Сила и единство народа и партии состоит и в том, что люди нашей страны, объединенные общей целью, активны и самостоятельны в мыслях и делах, что они за все их

окружающее берут — должны брать — ответственность на себя.

Об этом прежде всего написана драматическая повесть «Океан», поставленная уже на многих сценах страны, в том числе и в двух московских театрах — в Театре имени Маяковского и в Центральном театре Советской Армии. Очень различны эти два спектакля. Яркое, многокрасочное зрелище, где драматизм уживается с комизмом, углубленное психологическое искусство соседствует с сатирическим гротеском, видим мы в спектакле Н. Охлопкова и В. Дудина. В Театре Советской Армии (режиссер А. Дунаев) — спектакль более строгий, мужественный, даже суровый. Не будем, однако, заниматься сравнительным анализом, тем более, что тогда было бы правильным вспомнить и спектакли, поставленные в других городах. Скажем лишь, что оба московских театра, каждый по-своему, выдвинули на первый план тему Платонова, тему личной воли современника в решении труднейшей моральной и деловой задачи.

Е. Самойлов играет Платонова сдержанно, вдумчиво, с тем артистическим обаянием, которое всегда присуще даровитому актеру. Обидно, однако, что самодовольный Платонов лишен неповторимости этого человека, что есть в нем черты «вообще» положительного героя. И еще: слишком просто, легко дается ему вовсе не легкое решение. Казалось бы, в неколебимой уверенности Платонова и выражена красота этого человека, но на деле получается не так: в драме особенно дорого и сильно то, что приходится в трудной душевной борьбе.

Природу драмы, истоки драматизма хорошо почувствовал А. Попов на сцене Театра Советской Армии. Его Платонов — своеобразная и новая в искусстве личность, необычайно убедительный образ современника, коммуниста наших дней. Актер достиг большого художественного результата потому, что мы все время ощущаем напряженную мысль героя, внутреннюю борьбу, в которой созревает его решение.

Разумеется, характер Платонова раскрывается и у Самойлова, и у Попова не только в центральной коллизии драмы, но и в отношениях героя с подчиненными, начальством, а главное — с женой Анечкой, фигурой живой и достоверной. Заслуживает особого и пристального внимания эта «семейная» линия пьесы и в особенности чистый, душевный, о многом в жизни говорящий образ Анечки, созданный Л. Касаткиной. Но приходится ограничивать себя и вернуться к отношениям главных героев.

Честную и смелую позицию занял Платонов в трудную пору жизни. Он действовал по уставу долга — долга друга, командира, коммуниста, передового человека времени. Поступок его основан на глубоком доверии советских людей друг к другу.

Но, конечно, нам важно знать: а кто же такой Константин Часовников? Почему так уверен в нем Платонов, и действительно ли он нужен флоту?

Писатель наметил контуры сложного характера Часовникова. Романтически преданный флоту, Часовников, окончив училище — ценой едва ли не разрыва с отцом, — устремился на Дальний Восток вместе со своим другом. Но прошло шесть лет, и мы не узнаем прежнего, казалось, такого активного и це-

леустремленного героя. Вот его теперешние мысли: «...если я вступлю в партию, я буду вынужден говорить «да», когда хочется сказать «нет», и «нет», когда хочется сказать «да».

Что это — обывательское фрондерство мещанина? Если так, то зачем он флоту и где та человеческая ценность Часовникова, за которую борется, ради которой рискует Платонов? Писатель не хочет, чтобы его Часовников воспринимался как мелкая, ничтожная фигура. Он стремится оттенить его честность, его хорошие душевные качества (в отношениях с Анечкой) и показать, что бунт Часовникова против дисциплины флота и жизни есть горькое заблуждение одаренного и честного человека.

Правда, делает это А. Штейн недостаточно определенно, а порой наносит и серьезный ущерб своему герою. Так, скажем, буржуазно-пацифистским речениям Часовникова о том, что «интеллигент не может убивать», попросту нет веры, настолько они старомодны, несовременны. А ведь, по мысли писателя, Часовников — фигура очень современная. За ним мы угадываем те сложные духовные процессы, которыми отмечена жизнь некоторой части молодежи в последние годы. Среди этой молодежи были фронтеры, болтуны, недоумки, «политические» стилисты, но были и молодые люди, всерьез, озабоченно задумавшиеся о жизни, но политически незрелые, потерявшие твердую почву и оттого заблудившиеся. Наверное, такого Часовникова хотел показать нам А. Штейн?

Мне кажется, что задача театра состояла в том, чтобы всеми средствами сценического творчества, и прежде всего искусством актера, Часовников был человечески укуплен. Есть у актера волшебная сила поднять даже несовершенный литературный образ — тому немало примеров в истории советского театра. Хочется, чтобы у Часовникова билась напряженная мысль о жизни, чтобы был он истинно даровит. Ведь тогда его тяжелое заблуждение станет подлинно драматическим, а борьба за него Платонова обретет куда более ясную цель.

К сожалению, оба московских театра не стали на такой путь. Превосходно играет своего Часовникова А. Лазарев на сцене Театра имени Маяковского. Порывистая, нервная, даже истерическая натура. Во всем рисунке роли чувствуется властная рука режиссера, но актер от этого вовсе не теряет творческой самостоятельности — он играет убежденно, органично, темпераментно. Но кого? Почему старший лейтенант Часовников вдруг напоминает нам купринских офицеров? И неужели же все заблуждения, сомнения, грубые жизненные ошибки Часовникова есть лишь плоды его истеричности? Похоже, что так. И это неверно, ибо выводит героя за пределы общественной темы.

Более современными чертами наделил Часовникова В. Зельдин. В нем мы сразу узнаем нынешнего, нашего морского офицера. Но вот беда: если в лазаревском Часовникове мы, хоть и туманно, все же различаем натуру даровитую, то Часовников на сцене ЦТСа — ничем не примечательный юнец, который сболтнул, набедокурил, искренне понял свою вину, — и все.

Измельчение образа Часовникова в ЦТСа и сведение его до «частного случая» в Театре имени Маяковского —

и то, и другое принесло ущерб спектаклям. И об этом стоит задуматься не только в связи с «Океаном». Ведь дело же не в том, что режиссеры не поняли образ Часовникова. Нет, они сознательно ограничили его общественный смысл, проявив тем самым, как мне кажется, неоправданную робость. Два общих соображения хочется высказать по этому поводу. Первое: конечно же, искусство театра требует укрупнения, концентрации любого типического явления жизни. В том числе и такого сложного, что стоит за образом Часовникова. И второе: раскрыть во всей сильной красоте образ героя-современника можно в драме тогда, когда перед нами открыта его драматическая судьба, рождающаяся в работе мысли и напряжении чувств, в преодолении трудного. Можно с уверенностью сказать, что и Попов, и Самойлов добились бы больших результатов, если бы их Платонов смог бы встретиться на сцене с более крупным и человечески сложным героем.

Судьбы Платонова и Часовникова развиваются в «Океане» в широком потоке жизни, и в этом — достоинство пьесы, достоинство обоих московских спектаклей, богатых яркими актерскими достижениями. В водовороте событий — друг и однокашник героев, капитан-лейтенант Куклин, который оказался мелким душой человеком и потерял право на дружбу. По-разному, но верно, точно раскрывают природу этого типического образа Л. Сипов и Д. Сагал.

Верная удача выпала на долю М. Штрауха и П. Вишнякова, играющих эпизодическую роль адмирала Миничева. В этой удаче есть даже какая-то загадка. Как будто ничего действительного, драматического нет в явно «проходном» персонаже, но вот, поди ж ты, он запомняется не меньше, чем главные герои. Впрочем, загадку нетрудно разгадать: нам важнее всего не что говорит, появившись на несколько минут, Миничев, а кто он такой. И мы узнаем это: писатель одним лишь штрихом приоткрыл трудную судьбу этого человека, а прекрасные артисты создали очень разные, но на редкость убедительные характеры. Вновь возвращаясь к мысли: как много может сделать актер, если он подлинный художник, если жизнь и слова вымышленного лица стали его словами, его жизнью...

Действие «Океана» не ограничено бортом корабля, писром. Мы уже упомянули дом Платонова. Есть там еще «восьмой километр», дальний закоулок в большой жизни, где безбоязненно, цинично обнажаются мелкие души маленьких, ничтожных людей. Остро гротескно поставлена эта сцена в Театре имени Маяковского. Но эмигрантские песенки некоего «Алеси из ансамбля» и циничная философия Куклина не могут заглушить глубоко драматическую мелодию изломанной судьбы сестры Куклина Маши, роль которой превосходно играет Е. Козырева.

Мы все время говорим о двух спектаклях вместе. А они, конечно, повторяю, очень разные. И, быть может, разница эта всего более ощутима в образах «Океана», который стал на сцене символическим: океан жизни, океан идей и страстей. Он бушует, окрашивается в разные цвета, окатывает нас брызгами в Театре Маяковского. Он суров и могуч на огромной сцене ЦТСа, под стать всему мужественному тону спектакля.

Обидно, что в обоих спектаклях прижата, обеднена общественная тема, связанная с образом Часовникова. В этом, мне кажется, их главный и существенный недостаток. Но все равно, «Океан» на московской сцене стал заметным и обнадеживающим явлением в завершающемся театральном сезоне. Потому, что в этих спектаклях есть серьезное гражданское раздумье о современнике, о его долге и чести. Потому, что вновь подтверждена прекрасная истина, к которой все еще порой относятся недоверчиво. В театральном искусстве нет единой, для всех обязательной эстетической нормы, советский театр не-обозримо богат своим разнообразием.